

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ

Владимир Миськевич

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
Минск, Беларусь*

В статье рассматриваются социально-политические и историко-культурные предпосылки нациостроительства в Европе. Дан анализ двух основных моделей данного процесса: политической и этнокультурной. Показана его неравномерность, исследованы особенности формирования наций в различных регионах Европы. Акцентированы значение и роль этнонациональных символов и мифов, гуманитарной интеллигенции в их конструировании и социальных институтов в их утверждении в массовом сознании.

Ключевые слова: этнос, нация, государство, язык, культура, этнонациональное самосознание

SOCIO-POLITICAL AND HISTORICAL-CULTURAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF EUROPEAN NATIONS

Uladzimir I. Miskevich

State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

The article examines the socio-political, historical and cultural prerequisites of nation-building in Europe. The analysis of two main models of this process is given: political and cultural. Its unevenness is shown, the peculiarities of the formation of nations in various regions of Europe are studied. The importance and role of ethno-national symbols and myths, humanitarian intelligentsia in their construction and social institutions in their approval in the mass consciousness are emphasized.

Keywords: ethnos, nation, state, language, culture, ethno-national identity

«Веком национализма» традиционно считается XIX столетие. Импульс к строительству современных наций-государств в Европе был дан Великой французской революцией. Ее идеологи наделили понятие «нация» принципиально новым содержанием и тем самым осуществили замену самого субъекта нации. Не менее интенсивно процесс нациообразования шел и в XX веке. В результате распада мировой колониальной системы и масштабной национально-государственной «перестройки» социалистического лагеря в мире появилось около сотни новых государств, в том числе 23 в Европе и экс-советской Евразии. Этнополитические процессы, которые наблюдаются в современном мире, дают все основания предполагать, что «топлива в националистическом реакторе хватит еще не на одно десятилетие нового столетия» [3, с. 33].

Термин нация (от *passi* – рожден) в средневековой традиции употреблялся достаточно широко и означал родовую общность. Однако критерии отнесения индивидом себя к той или иной «нации» были достаточно произвольными. Так, ученые мужи Сорбонны XIII в. полагали, что итальянцы, испанцы и греки принадлежат к «галльской» нации, а немецкие, польские и скандинавские студенты, учившиеся в университетах Англии, входят в состав английской нации [1, с. 33]. Согласно документам Констанцкого церковного собора (1414–1417), к «германской нации» наряду с немецкоязычными духовными иерархами относилось духовенство Англии, Венгрии, Польши, а в состав «итальянской нации» были включены представители Греции, Славонии и Кипра [1, с. 33].

Самым главным, однако, было то, что в эпоху средневековья право называть себя «нацией» принадлежало лишь высшим сословиям. Подавляющее же большинство населения, т.е. массы «простых подданных», подобным правом не обладали. Вот почему эпохальным событием европейской истории стало то, что в 1789 г. французское «третье сословие» (в лице своих идеологов) объявило себя нацией, а Французская академия дала принципиально новое определение, послужившее впоследствии основой для утверждения концепта гражданской политической нации. Согласно этому определению, нация – это совокупность всех жителей «одного и того же государства, одной и той же страны, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык» [1, с. 33-34].

Данной идее с течением времени было суждено превратиться в фундамент социокультурной связанности и групповой идентичности, стать реальной основой продуцирования многочисленных образов «мы» и «других» – этносов, культур, конфессий. Идея нации открыла перед модернизирующейся Европой перспективу социального творчества и инновационных социальных преобразований.

Важно, однако, подчеркнуть, что в первоначальный период лишь либерально настроенное меньшинство интеллектуалов оказалось в состоянии исповедовать новые ценности. А чтобы их стало разделять большинство, понадобилось более столетия. Укоренение в массовом сознании идеи «народа-нации» требовало системных изменений в менталитете, самосознании народов. И, прежде всего, формирования в общественном сознании народа коллективного образа и имени собственного («мы французы», «мы немцы», мы «чехи» и т.д.). О том, насколько это было непросто, свидетельствует, например, тот факт, что даже в середине XIX века во Франции с ее многовековой централизованной государственностью «всякий новопоселенец, прибывший из соседней округи, был чем-то вроде «иностранца», вызывая подозрение и враждебность» [11, с. 90]. В Италии (и Германии) после создания национальных государств национальная идея формулировалась вообще парадоксально: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев» [9, с. 335]. Применительно к Германии – «немцев». Еще более сложной была аналогичная задача для народов России, Австро-Венгрии, Османской империи, не имевших своих государств вплоть до конца Первой мировой войны. В XIX в. усилиями политиков, правоведов, ученых, деятелей культуры были созданы национальные «мифо-символические комплексы». Будучи специфическими для каждой страны, они вместе с тем содержали и общие типологические черты. Во-первых, нации изображались в них как существующие с незапамятных времен, а не как недавние политические оформления социокультурных различий. Во-вторых, они содержали в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагалось наличие внутренних и внешних врагов, не заинтересованных в таком «пробуждении» [7, с. 173].

Важнейшее место в созданных «мифо-символических комплексах» принадлежало «национальным традициям». Решающую роль в их конструировании сыграла националистическая «колонизация истории, исходящая из современности» [2, с. 206]. Заинтересованный подход к историческому материалу позволял, в зависимости от конкретных задач социального мифотворчества, либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было» [4, с. 173]. Еще одним компонентом таких комплексов являлся пантеон выдающихся деятелей национальной истории. Среди них: «грамматисты» – исторические персонажи, которые выпестовали язык, зафиксировали на нем отеческое предание; «отцы нации» – создатели государства; герои-победители; борцы за свободу; личности, внесшие значимый вклад в развитие общества и культуры. Важное воспитательное значение отводилось также знаменательным историческим датам и событиям, священным местам, государственным и культурным символам [8, с. 38-39].

Сконструированный национальный «мифо-символический комплекс» надлежало превратить в «факт» общественного сознания, используя систему образования, потенциал искусства, СМИ, церковь, науку, праздники и церемонии. Практической реализацией этой задачи были заняты интеллектуалы, а весь процесс в целом направлялся и контролировался властью. Итогом должно было стать формирование нового типа личности и специфического – национального – самосознания.

Необходимым условием успеха проекта «народ-нация» стали программы всеобщего обучения. Они преследовали двоякую цель – подготовку квалифицированных кадров для развернувшейся в странах Европы модернизации, и патриотическое воспитание молодежи. Достойное место отводилось формированию в массовом сознании образа Родины, появлению в менталитете народа чувства общенациональной солидарности. Особая определяющая роль в данном процессе отводилась государственному языку, т.е. нормированному литературному языку.

В доиндустриальный период с характерным для него преобладанием замкнутых мирков сельского неграмотного населения эти задачи были неосуществимы. Так, во Франции централизация в языковой политике началась еще в XVI ст. Однако и в середине XIX в. «для половины граждан страны французский оставался иностранным языком» [1, с. 166].

С большими проблемами сталкивалась и Германия в последовательном продвижении «в народ» через систему образования и средства массовой коммуникации литературного немецкого языка. Последний сыграл важнейшую унифицирующую роль в выработке общенемецкого сознания, однако его диалекты (берлинский, баварский, саксонский и др.) сохранились и по сей день. При этом отметим, что политика нациостроительства нередко принимала там жесткие формы, особенно когда речь шла об ассимиляции нетитульных этносов, т.е. национальных меньшинств. Например, в начале XX в. на польском языке (поляки – самое многочисленное из меньшинств Германии) было запрещено преподавание в народных школах, и даже богослужение в костелах. Это делалось на немецком.

Рассмотренные выше аспекты национального строительства были связаны с политикой целенаправленного формирования либеральных ценностей в менталитете формирующихся новых социально-политических общностей. Вместе с тем подчеркнем, что практическая реализация идеалов Французской революции осуществлялась в контексте фундаментальных социально-экономических преобразований, вызванных к жизни промышленным переворотом и научно-технической революцией. Город и индустрия кардинальным образом изменили характер хозяйствования, систему социальных отношений, механизмы формирования власти, систему законодательства, способы коммуникации, характер внутренней миграции. Обусловленные этими процессами социальная мобильность и социальная динамика, свобода личности и установка на инновации стали характерной особенностью появившейся новой – техногенной – цивилизации. Народ-нация законодательно был провозглашен главным источником власти в конституциях демократических стран Европы.

Современный исследователь У. Альтерматт процесс национального строительства в Европе подразделил на три временные зоны. К первой он отнес Англию, Францию, Швецию, Данию, Нидерланды, ко второй – Германию и Италию, а к третьей – Австро-Венгрию, Россию и Османскую империю.

Естественно, что в силу специфических для каждой страны «стартовых условий» рассматриваемые процессы протекали по-разному в различных временных зонах нациостроительства.

Так, в странах первой временной зоны заметно уменьшились не только субэтнические, но и межэтнические культурно-ментальные различия. Но в Великобритании при этом была реализована модель создания политической нации британцев, а не этнокультурной нации англичан. Ведь последняя предполагала бы «англизацию» шотландцев, ирландцев и валлийцев. Задача явно нереализуемая и сегодня. Одним из результатов этой модели явилось существенное потепление отношений между англичанами, с одной стороны, шотландцами и валлийцами – с другой. Во Франции действовала этнокультурная ассимиляционная модель, которая требовала включения в общность «французов» также иноэтничных эльзасцев, бретонцев и корсиканцев не только в политическом смысле, но и культурном.

А вот в странах второй временной зоны к началу XX в. остались весьма существенными даже субэтнические дистанции. В Германии, например, установка на создание этнокультурной нации путем ассимиляции поляков, чехов, датчан, лотарингцев не только не увенчалась успехом, но и явилась одной из причин ослабления «второго рейха» в Первой мировой войне, его падения и потери Германией значительных территорий. Италии также не удалось осуществить интеграцию неитальянских этнических меньшинств, что и сегодня дает себя знать в противоречиях между Севером и Югом страны. В итоге вопросы о том, насколько сицилийцы являются итальянцами, а баварцы немцами, дискутируются и поныне.

Наибольшим драматизмом и остротой борьбы феномен рождения новых наций отличался в империях Восточной, Центральной и Южной Европы. Причина в том, что входившие в их состав этносы были недостаточно интегрированы и удерживались насильственно. Поэтому пришедшая к ним с берегов Сены идея «каждой нации – государство» пала на благодатную почву. Практически повсеместно развернулась интеллектуальная активность по систематизации и структурированию форм и образов

этнокультурной идентичности, выработке идеологии политического самоопределения. А вслед за ней – и борьба за политическую независимость. В итоге для слабо интегрированной Австро-Венгрии идея «каждой нации – государство» стала подлинным троянским конем, подготовившим падение монархии и распад империи [3, с. 41]. Рассмотрим подробнее некоторые моменты этого процесса.

В «лоскутной» Австро-Венгрии этот процесс начался с противодействия Венгрии политике Австрии на германизацию населения империи. В ответ на объявление Венной государственным языком немецкого (вместо латыни), Королевство Венгрия на своей территории объявило государственным мадьярский язык. Основными направлениями национализации народов полиэтнического королевства (по численности превосходившего население современной Венгрии в два раза) выступали образование на венгерском языке, открытие новых университетов, массовое распространение историко-патриотических знаний, мадьяризация имен, фамилий, географических названий, пропаганда национального фольклора, культурная ассимиляция этнических меньшинств. Важнейшим динамическим фактором этого процесса явился бурный рост городов, обусловивших беспрецедентную интенсификацию и интеграцию межэтнических коммуникаций в рамках ценностей венгерской культуры. Вместе с тем отметим, что попытка мадьяризации иноэтнических меньшинств – немцев, хорватов, румын и др., весьма далеко отстоявших от венгров в культурно-языковом отношении, особого успеха не имела. И подобно тому, как курс Австрии на германизацию дал мощный импульс венгерскому национальному строительству, так и мадьяризация, в свою очередь, дала толчок этнонациональному ренессансу в Венгрии немадьярских народов [3, с. 39].

Иным путем пошли чехи. Поскольку административный ресурс у чешских земель был значительно меньше, чем у венгров, они основную ставку сделали на народное образование, культуру, средства массовой коммуникации и потенциал урбанизации. В определенных отношениях чешский опыт может рассматриваться как весьма полезный и для нашей страны. Если в 1853 г. в Чехии не было ни одного чешского лица, то в 1913-м там функционировали 63 гимназии и 45 технических учебных заведений. Чешских крестьян, переселявшихся в города, встречала налаженная система образования и СМИ на родном языке. Города, столетия служившие центрами немецкой культуры, поразительно быстро стали чешскими. Консул Германии в Праге писал в 1898 году: «В то время как еще 25 лет назад тип города был совершенно немецким, сегодня Прага, без сомнения, совершенно чешский город» [1, с. 166].

Но, по понятным причинам, нас в наибольшей степени интересует российский случай, т.е. в какой степени идеи «национализации» были восприняты и получили развитие в Российской империи.

Во второй половине XIX–нач. XX вв. в России начался процесс модернизации по западному образцу. Однако, несмотря на впечатляющую динамику индустриального роста, промышленность к 1913 году обеспечивала лишь 27 % ВВП, а доля городского населения составляла 15 % от общей численности населения. Почти три четверти жителей империи были неграмотными. По показателю элементарной грамотности (а народное образование служит абсолютно необходимым условием «национализации») Россия сильно уступала даже Австро-Венгрии, не говоря уже о других европейских странах. Так, в 1914 году в ней на 1 тыс. жителей приходилось 59 учащихся, тогда как в «лоскутной империи» – 143, в Великобритании – 152, в Германии – 175 [6, с. 284-305].

Общий дефицит модернизационного потенциала России самым непосредственным образом отражался на мировоззрении даже наиболее «перспективных» с точки зрения национального самоопределения этносов империи – поляков, эстонцев, латышей, литовцев, а также народов Закавказья и Средней Азии. Отсутствие у них собственной элиты, ориентированной на национальные интересы, своего городского среднего класса, низкий уровень урбанизированности обусловило запаздывание «пробуждения» сознания названных этнических меньшинств по сравнению с народами, к примеру, Австро-Венгрии. Однако ситуация коренным образом изменилась в связи с событиями двух русских революций и первой мировой войны. Патриотические настроенные национальные активисты латентный потенциал «национальных идей» сумели быстро превратить в мощный фактор общественного сознания. Тем самым, по удачному выражению М. Гроха, революции обеспечили переход национального движения из фазы патриотической агитации в фазу массового политического действия. [5, с. 125].

Данный процесс, однако, в западных и юго-западных губерниях России имел свои особенности. Они, во-первых, проистекали из сосредоточения в них пятиmillionного еврейского населения (в силу закона о «черте оседлости», т. е. проживания на указанной территории). Так, в начале XX века удельный вес евреев в Кишиневе составлял почти 46 %, в Минске – 43,3 %, в Вильно – 40 %, в Екатеринославе – 35,4 %, в Одессе – 30,8 %. Соответственно молдаван, белорусов, литовцев и украинцев в названных городах проживало 17,6; 8,2; 2,0; 15,8 и 9,4 %. [3, с. 43]. В силу целенаправленной политики самодержавия на культурную ассимиляцию евреев, их интеграцию с господствующей (т.е. русской) культурой, они объективно были не только носителями, но и проводниками русского языка и культуры. Во-вторых, в крупнейших городах запада и юго-запада России доля самого русского населения составляла не меньше 20 %. В Вильно, например, вместе с евреями русские составляли 3/5 населения, а в Минске – 3/4 [10, с. 11]. И

последнее по счету, но не по важности: административно-властный ресурс в этих регионах был направлен на обеспечение в первую очередь интересов самодержавия и титульной нации.

Переселившиеся в эти города белорусские, украинские, литовские и молдавские крестьяне попадали там совсем не в то социокультурное окружение, которое могло бы обеспечить их национализацию по венгерской или чешской модели. Напротив, они постепенно превращались в «русских», хотя в силу культурно-языковых различий этот процесс протекал у различных этносов с разной скоростью. После отпадения от России Прибалтики и Бессарабии процессы русификации были там свернуты.

По-иному сложились исторические судьбы белорусского и украинского народов. Неудача местных национальных сил в деле создания независимых Белорусской и Украинской народных республик была обусловлена комплексом причин, и основная среди них – отсутствие в массовом сознании белорусов и украинцев образа России как «Другого». Однако обстоятельный анализ данной проблемы – это тема уже другой статьи.

1. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М. : РГГУ, 2000.
2. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма // Дж. Бройи Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
3. Буховец, О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) / О. Г. Буховец // Современная Европа. – 2008. – № 4.
4. Геллнер, Э. Пришествие национализма. // Э Гелнер. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
5. Грох, М. От национальных движений к полностью сформировавшимся нациям : процесс строительства наций в Европе // М. Грох. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
6. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX вв.) / Б.Н. Миронов // В 2 т. Т. 2. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.
7. Смит, Э. Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
8. Тульчинский, С. Л. Нация или охлос? // Философские науки. – 2011. № 5. – С. 38–39.
9. Хобсбаум, Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе // Э. Дж. Хобсбаум. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
10. Шибек, З. В. Минск: Страницы жизни дореволюционного города / З. В. Шибек, С. Ф. Шибек. – Минск, 1990.
11. Weber, E. Peasant into Franchmen // The modernization of Rural France. 1870–1914 / E. Weber. – Stanford, 1976.